

СТАНОВЛЕНИЕ социалистической культуры на заре Советской власти — тема поистине необъятная. Мы расскажем лишь об одном эпизоде, относящемся к этой теме. Речь пойдет о скромной, но важной политико-культурной акции — об организации Государственной коллекции уникальных музыкальных инструментов.

Эта единственная во всем мире коллекция, насчитывающая свыше двухсот инструментов, была создана осенью 1919 года. Сведений и документов об этом сохранилось немного: фрагменты воспоминаний первого правительственного комиссара московских театров и директора Большого театра Е. К. Малиновской, отдельные высказывания народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского, рассеянные в его статьях, официальных письмах и документах. К делу организации коллекции прямое отношение имел также председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. Известно, что в 1920 году А. В. Луначарский и Ф. Э. Дзержинский подробно рассказывали о коллекции В. И. Ленину. Нам пишет в своих воспоминаниях Е. К. Малиновская, Владимир Ильич «одобрил это начинание и содействовал успешному собиранию инструментов».

Е. К. Малиновская и А. В. Луначарский указывали, что инициатива создания Государственной коллекции ценнейших старинных музыкальных инструментов принадлежала В. Л. Кубацкому. Имя Виктора Львовича Кубацкого хорошо известно нашей музыкально-театральной общественности. Талантливый виолончелист, участник квартета имени Страдивари, солист оркестра и один из членов руководства Большого театра в 20-х и 30-х годах, дирижер, профессор, «пламенный энтузиаст квартета», как по сей день величают его многочисленные ученики. И вот мы у Виктора Львовича.

СВЕРШИЛАСЬ Октябрьская революция. Помню первые декреты Советской власти о земле, о мире, — рассказывает Виктор Львович. — Отпечатанные на плохой бумаге, небольшие, величиной со школьную тетрадь, эти листки притягивали к себе людей, как магнит. Люди стояли кучками, читали декреты по несколько раз, иногда вслух, по просьбе тех, кто неграмотен. Кто-то читал торжественно, радостно, ликующе, кто-то — недоуменно, угрюмо, злобно.

Читал и я вместе со всеми. Короткие властные фразы декретов обжигали душу, их огромный смысл словно встряхивал всего человека: Земля — крестьянам... Фабрики — рабочим... И, странное дело, по какой-то уж очень прямой и наивной связи мне вдруг подумалось: а что у нас, музыкантов, «земля», что «фабрики»? Наверное, инструменты, на которых мы играем. Да, да, конечно... Но ведь они зачастую нам не принадлежат. Они — частная собственность, драгоценный товар в чужих, далеко не всегда чистых руках... Это было что-то вроде искры, мелькнувшей в сознании, не больше. Мысль моя, повторяю, работала тогда наивно, прямолинейно.

Вскоре я демобилизовался, возвратился в Москву, сел на свое привычное место в оркестре Большого театра. Через некоторое время я был выбран как делегат от оркестра в директорию Большого театра. Я познакомился с Е. К. Малиновской, руководившей в то время всеми московскими театрами. Опытный партийный работник, она умело вносила в нашу сложную среду новые общественные веяния. Авторитет ее в театре был исключительно высок.

Тут-то я и вспомнил об инструментах. Тем более, что распространились слухи о некоторых таинственных пропажах, отдельные инструменты вместе с их владельцами стали «уплывать» за границу. Надо было что-то делать. Я попытался поставить вопрос о судьбе инструментов прежде всего в своей

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И СКРИПКИ

А. МЕДВЕДЕВ

профессиональной среде. Но чаще всего встречал непонимание. Да, среди музыкантов были еще люди политически инертные, пассивные.

Не получив поддержки у своих коллег, я обратился к Е. К. Малиновской и встретил с ее стороны глубокое понимание сути дела. «Это важно, очень важно», — сказала Елена Константиновна. — Ни в коем случае не оставляйте эту идею. Я переговорю с Луначарским, мы вам поможем. А пока для начала изложите ваши предложения на бумаге, составьте план. Мы его направим в правительство. Дело серьезное, ответственное: реквизиция уникальных инструментов и создание государственной коллекции...»

Нужно ли говорить, как я был обрадован, окрылен! Кинулся прежде всего к Евгению Францевичу Витачеку, известному скрипичному мастеру, с которым был в большой дружбе. Рассказал о встрече с Малиновской. Мы оба разволновались. Недолго думая, тут же засели за план. Как составить опись разбросанных по всей России ценнейших инструментов? О местонахождении некоторых из них мы уже знали, особенно Евгений Францевич — через его руки реставратора прошли сотни замечательных инструментов. О других (а их было большинство) предстояло навести точные справки.

Две книги существенно помогли нам: изданная в 1875 году книга Франсуа Фетиса о Страдивариусе и итальянских школах скрипичных мастеров и каталог наиболее ценных инструментов, составленный в середине XIX века московским мастером Сальзаром и петербургским — Кителем. Там прослеживались судьбы большинства известных нам инструментов и указывался их последний по времени владелец.

18 августа 1918 года за подписями Е. К. Малиновской и моей в Совнарком была направлена докладная записка «О создании фонда уникальных инструментов». Эту дату и этот документ можно, пожалуй, считать первым официальным упоминанием о начатом нами деле.

— Вот мы и подошли к главному: к созданию самой коллекции, — говорит Виктор Львович. — Наступила осень 1919 года. Сентябрь и октябрь месяцы были особенно критическими для молодой Советской республики. Армия Деникина двигалась на Москву, вышла на подступы к Туле. Штаб нашей обороны размещался в Серпухове. И в такие дни А. В. Луначарский и Ф. Э. Дзержинский находили время заниматься вопросом организации коллекции музыкальных инструментов! По поручению Е. К. Малиновской мне довелось несколько раз бывать у них именно в ту тревожную пору.

Я был назначен уполномоченным экспертом Наркомпроса, получил необходимые документы. Ф. Э. Дзержинский, с которым А. В. Луначарский особо оговорил все детали предстоящей национализации инструментов, направил нам в помощь комиссара Московской ЧК Андрея Никитича Прокофьева.

Андрей Никитич был настоящим большевиком, человеком героическим, прошедшим через горнило войн и революции. Пулевые и сабельные ранения буквально изрешетили его. Это был боец с чистой, прямо-таки детской душой. По состоянию здоровья партия отозвала его из армии. Андрей Никитич получил направление на работу в Московскую ЧК.

При первой же встрече А. Прокофьев сказал:

— Имейте в виду, работать с вами я могу только ночью. В другое время я занят. Кроме ваших скрипок, у меня есть дела поважнее.

Что ж, ладно, будем действовать ночью...

ПЕРВЫЕ две ночи нас обескуражили. Мы не смогли отыскать нужные нам дома! Ориентироваться в ночной затаившейся Москве 1919 года было не так-то просто. Полно какие-то пустые, жуткие дворы, закоулки, переходы, огромные заборы в Замоскворечье, где мы разыскивали дом графа П. Зубова.

На третью ночь, уже зная адрес и примерные подходы к дому, мы поехали на машине, захватив с собой лестницу. Перелезли через высокий забор. Подошли к большому, темному особняку. Настойчиво стучим в дверь. Гремят засовы, ключи — нам открывают. Выходит статный слуга, спрашивает, кто мы такие. Прокофьев:

— Доложите хозяину, что представители Московской ЧК и Наркомпроса имеют к нему дело.

Слуга уходит, а мы остаемся ждать в приемной. Время — около 5 часов утра. Вдруг слышим шаги. По скрипящей деревянной лестнице к нам медленно спускается седой осанистый старик в черном сюртуке.

— Чем могу служить? Прокофьев легонько подталкивает меня в бок, как бы давая мне слово. Я выступаю вперед и со всем пылом молодости начинаю объяснять цель нашего прихода. Говорю о задачах и идеалах революции, о том, что принадлежащая графу коллекция редких старинных инструментов может послужить расцвету музыкального искусства новой, социалистической России.

— Каким образом, разрешите узнать? — спрашивает граф, слушавший меня, как мне показалось, с большим вниманием.

Объясняя, что многим нашим талантливым музыкантам зачастую не на чем играть. Все лучшие инструменты находятся во владении богатых людей.

— И потому мы пришли к вам, граф, — заканчиваю я свое первое в жизни агитационное выступление. — Мы хотим, чтобы ваши замечательные инструменты, вместо того чтобы находиться за стеклом, в шкафу, были бы переданы крупнейшим артистам и к радости народа зазвучали бы по всей России!

Настала томительная пауза. П. Зубов молчит, мы тоже. Чувствую, что стоящий рядом со мной Прокофьев весь как-то напрягся. Неужели придется делать обиск?..

И вдруг хозяин дома с достоинством говорит:

— Меня вполне удовлетворяет ваше объяснение. Прошу вас, пройдемте за мной.

Я оглядываюсь и вижу растерянное лицо Прокофьева — он никак не ожидал такого оборота дела. Потом Андреем Никитичем признанся мне:

— Этот граф не совсем граф оказался, а с народной прокладкой, понял сердцем нашу правду. Он меня своим благородством тронул... — И тут же добавил: — Я человек опытный, знаю, что дальше у нас с вами не всегда так гладко будет...

П. Зубов передал нам все имевшиеся у него старинные инструменты. Были они в хорошем состоянии, так как хранились в специальных застекленных шкафах (с ключами от них граф не расставался). Особенным украшением собрания П. Зубова были скрипки Страдивари, Амати, Гварнери.

Почему я так подробно рассказываю об этом посещении? Потому что это была наша первая реквизиция, положившая начало всей коллекции. Следовательно, днем (точнее сказать, ночью) ее рождения можно считать 27 октября 1919 года.

ПРОКОФЬЕВ оказался прав: графы Зубовы нам больше не попадались. Дальнейшие поиски были куда сложнее, а порой и опаснее. Редко кто из владельцев инструментов проявлял сознательность и сразу отдавал их в коллекцию. Приходилось не только доказывать, убеждать, случалось вступать в дело и А. Прокофьеву — его документы, его решительность сразу оказывали нужное воздействие на упорствующих.

Большую группу инструментов (в том числе всемирно известный альтист Страдивари) мы реквизировали в доме крупного капиталиста и помещика Р. Живаго. Самого хозяина не застали — сбегал. Инструменты были спрятаны, их пришлось долго искать. Когда недалеко от Никитских ворот мы съезжали со двора, по нашей машине несколько раз выстрелили с чердака. К счастью, все обошлось благополучно. Едва мы отъехали, Андрей Никитич потрогал футляры инструментов, усмехнулся:

— С боевым крещением вас... Собрания П. Зубова, Р. Живаго и К. Третьякова (последний завещал свои инструменты Московской консерватории, и они поступили к нам уже оттуда) по-

В. Л. Кубацкий разбирает архивные материалы.

